

Глава 20. Город Цзиньлин (2). Визит в резиденцию Сяо.

—

Три дня назад, резиденция главы кабинета министров Сюй Хуэя.

Несколько чиновников в алых халатах собрались вместе. Все они были приёмными сыновьями Сюй Хуэя, и теперь каждый из них занимал важный пост не ниже четвёртого ранга.

Тан Мэнъян, благодаря своему красноречию, постоянно льстил императору Вэньтаю и быстро продвигался по службе. Несколько дней назад ему не повезло: он выехал за город и был ограблен. У него забрали карету и всё имущество, оставив лишь в одних подштанниках!

Это было в двенадцатом месяце, и он чуть не погиб от холода. Чудом добравшись до столицы, он сильно заболел.

Теперь, когда ему стало лучше, на его лице всё ещё виднелись синяки от побоев.

В кресле сидел молодой человек с посиневшими кругами под глазами и нездоровым видом. Он небрежно сказал: «Тан Мэнъян, ты заместитель главного экзаменатора на императорском экзамене этого года. Заместитель главы кабинета — главный экзаменатор. Скажи мне, есть ли уже список студентов на этот год?»

«Да, господин Сюй, он здесь. Я принёс его», — Тан Мэнъян передал аккуратно составленный список, в котором было около ста страниц, по тридцать человек на каждой.

Господин Сюй открыл список, чтобы просмотреть его.

Этот «господин Сюй» был не Сюй Хуэй, а его второй сын, военный советник Министерства войны, Сюй Чжоцзюнь, получивший первую степень на экзаменах три года назад.

Сюй Чжоцзюнь долго читал, затем нахмурился и закрыл список: «Почему ты не отметил лучших выпускников от каждой префектуры? Как ты выполняешь свою работу?!»

«Я... это моя вина. Прощу, господин, накажите меня!»

Тан Мэнъян не отметил их, потому что боялся это сделать.

Сюй Чжоцзюнь холодно хмыкнул и больше не смотрел на него. Он велел другому секретарю рядом: «Отметь мне имена лучших выпускников, цзеюань, от каждой префектуры».

Фракция Сюй, возглавляемая Сюй Хуэем, тайно привлекала таланты со всей страны. Эти цзеюани были способными людьми, и их нужно было завербовать ещё до экзаменов. Тех, кто особенно нравился Сюй Хуэю, он даже принимал в приёмные сыновья, давая им высокие должности.

К этому моменту у него было уже больше десяти приёмных сыновей.

Другой секретарь из зала Вэньюань быстро обвёл имена лучших выпускников: «Господин Сюй, вот они».

Всего их было около двадцати. Сюй Чжоцзюнь внимательно их просмотрел.

«Лю Юаньчунь, двадцать девять лет, уроженец Цзянси. Трижды участвовал в экзаменах. В

пятый год Вэньтая, в двадцать шесть лет, стал цзеюанем».

«Линь Цзыкуй, семнадцать лет, уроженец Хуайнани. В пятый год Вэньтая, в четырнадцать лет, стал цзеюанем?» — Сюй Чжоцзюнь замер. «Четырнадцать лет... Линь Цзыкуй... Это имя кажется мне очень знакомым».

Тан Мэньян рядом с ним начал обливаться холодным потом.

Сюй Чжоцзюнь поднял глаза: «Господин Тан, этот Линь Цзыкуй, не он ли тот самый, что три года назад заявил, что не станет вступать с нами в сговор? Тот, кто на экзаменах собирался подать императору жалобу, утверждая, что мы сговорились с префектурой Шуньтянь, чтобы арестовать талантливых цзюйжэней и не дать им сдать экзамены? И который, попав в префектуру Шуньтянь, якобы погиб?»

У Тан Мэньяна затряслись ноги: «Да... наверное, это он».

Он не ожидал, что у Сюй Чжоцзюня такая хорошая память.

И не удивительно. Гениев, ставших цзеюанем в четырнадцать лет, за последние триста лет было всего два или три!

«Что значит 'наверное'? Господин Тан, три года назад ты говорил мне, что Линь Цзыкуй ослеп и больше не сможет участвовать в экзаменах. Как он снова появился?» — Сюй Чжоцзюнь нахмурился, и его лицо потемнело. Он с силой ударил списком по столу.

Тан Мэньян не знал, что ответить, и вытирал пот: «Он... возможно, вернулся домой и вылечился».

«Надеюсь, мне не нужно объяснять тебе, что делать? Если я увижу, что он участвует в экзаменах, смотри, как бы не лишиться своей шляпы чиновника!»

Тан Мэньян опустил голову и ответил: «Да, господин, я немедленно займусь этим».

Тан Мэньян оказался в безвыходном положении. Три года назад, пожалев Линь Цзыкуя из-за его юного возраста и чистого нрава, он спас ему жизнь и даже заплатил людям из партии Сюй, чтобы его не ослепили по-настоящему.

Но во второй раз он был вынужден это сделать.

И по иронии судьбы, пока Тан Мэньян ломал голову, как поступить, Линь Цзыкуй сам приехал.

Он добавил в чай Линь Цзыкуя снотворное, а ночью, когда все уснули, тихо пробрался к нему в комнату.

Линь Цзыкуй был без сознания, видимо, видел приятные сны, так как его лицо выглядело расслабленным. Тан Мэньян вспомнил, как во время ужина Линь Цзыкуй упомянул вторую дочь из семьи Сяо.

Он сказал, что господин Сяо вызвал его, чтобы, вероятно, обсудить свадьбу.

Поэтому Линь Цзыкуй был так рад и съел на целую миску риса больше обычного.

Теперь Тан Мэньян стоял у кровати с вышивальной иглой в руке и не мог решиться.

«Дорогой брат, не держи на меня зла. Если я этого не сделаю, ты можешь лишиться не только зрения, но и жизни».

Он одной рукой приоткрыл веко Линь Цзыкуя и дрожащей рукой медленно опустил иглу.

Острие коснулось тонкой поверхности глазного яблока, слегка надавив.

Тан Мэнъян отвернулся.

Линь Цзыкуй ничего не чувствовал и даже не мог закричать от боли.

И тут за дверью раздался скрип. Тан Мэнъян в панике сделал надрез по зрачку и уронил иглу.

Он мгновенно спрятался в углу и увидел сгорбленную фигуру с фонарём в руке. Человек осторожно вошёл, и когда он поднял лицо, это оказался его собственный фаворит!

Тан Мэнъян тут же схватил его и вытащил из комнаты Линь Цзыкуя: «Пинлэ! Что ты здесь делаешь?!»

Пинлэ, всё ещё испуганный: «Господин, почему вы...»

«Не лезь не в своё дело», — холодно сказал Тан Мэнъян, отправляя фаворита в его комнату. «Ты осмелился ослушаться моего приказа! Полмесяца не смей выходить из своего двора! Если это повторится, я продам тебя!»

Пинлэ вернулся в свой двор, тяжело вздыхая. Он думал, что ещё мог делать его господин ночью в комнате Линь Цзыкуя? Наверняка, он воспользовался беспомощностью и хотел затащить его в постель.

«Господин Линь, бедняга».

На следующее утро Линь Цзыкуй проснулся с туманом в голове. Он спал необычайно крепко. Открыв глаза, он увидел перед собой туман. Он потёр глаза.

Как же больно.

Больно...

Он с трудом закрыл глаза и потянулся, чтобы нащупать очки, которые оставил там с вечера, но никак не мог их найти.

Где очки?

Он забеспокоился, сел и стал шарить вокруг. Наконец, он встал на колени и нащупал очки, которые были разбиты на несколько частей, но оправа оставалась целой.

Пальцы Линь Цзыкуя замерли. Через мгновение, дрожа, он собрал осколки. Резь в глазах не давала ему открыть их. Это ощущение было очень похоже на то, что он пережил три года назад. Если бы тогда господин Тан не появился и не остановил нападавших, а потом не отвёл его к лекару, Линь Цзыкуй, скорее всего, ослеп бы.

Тогда Тан Мэнъян сказал ему: «Дорогой брат, послушай моего совета, не пытайся противостоять колеснице, как богомол. Ты не сможешь справиться с этими влиятельными людьми! Если ты будешь упорствовать и пытаться разбить яйцом камень, тебя ждёт только

смерть. Твоя жизнь не ничтожна, и твой слуга ещё молод. Если с тобой что-то случится, ты думаешь, они пощадят твоего слугу? Дорогой брат, живи, уезжай из Цзиньлина и никогда не возвращайся».

В глазах Линь Цыкуй Тан Мэнъян не был плохим человеком, несмотря на то, что он вступил в партию Сюй.

Линь Цыкуй сжимал в одной руке осколки очков. Сердце сжималось от боли. Это был такой ценный подарок от второй госпожи, почему он разбился...

Другой рукой он бессознательно шарил по полу и нащупал тонкую иголку.

Линь Цыкуй затаил дыхание.

В этот момент в дверь постучали.

Это был голос Тан Мэнъяна: «Брат Хуайфу, ты проснулся? Я должен идти на утренний суд. Господин Сяо теперь чиновник в Министерстве доходов, мы служим при одном дворе. Если хочешь его увидеть, я могу отвезти тебя после того, как вернусь?»

Его голос был тихим и заботливым. Линь Цыкуй опустил голову, быстро спрятал иглу в рукав и, опираясь, встал: «Брат Тан, я проснулся. Не мог бы ты зайти на минутку?»

«Братец?» — Тан Мэнъян открыл дверь и, увидев его растрёпанный вид, почувствовал боль в сердце: «Братец, что с тобой...»

Линь Цыкуй сделал вид, что всё в порядке: «Мои глаза немного болят, и я случайно разбил очки. Не мог бы ты, брат Тан, отвезти меня сначала в резиденцию Сяо...» Он понимал, что если сейчас всё раскроет, то, возможно, даже не сможет выйти из дома Тана.

«Хорошо, хорошо, я отвезу тебя в резиденцию Сяо!»

Тан Мэнъян вздохнул, думая о том, что Линь Цыкую скоро предложат расторгнуть помолвку.

Как такой талантливый человек мог разозлить такого подлеца, как Сюй Чжоцзюнь?

Линь Цыкуй сохранял спокойствие на лице, когда вышел из резиденции вместе с ним.

Как только они вышли, два шпиона, которые следили за Тан Мэнъяном, вернулись и доложили: «Господин Сюй, с этим Тан Мэнъяном что-то не так. Этот Линь-цзеюань из Хуайнани, Линь Цыкуй, действительно ночевал в его резиденции!»

Сюй Чжоцзюнь холодно усмехнулся: «Тан Мэнъян, он хочет погубить всех нас. Какая же он мразь. Этого Линь Цыкуя нельзя оставлять в живых, он — беда! Если он действительно сдаст экзамен на цзиньши и подаст жалобу императору, куда денется лицо моего отца?!»

Шпион: «Тогда... убить его?»

Сюй Чжоцзюнь покачал головой: «Это слишком легко для него. Он возомнил, что может угрожать мне. Он не знает своего места. Я помню, у него очень нежная внешность. Дайте ему лекарство, чтобы он онемел, отправьте его в переулок Чуньшу, а потом убейте».

Переулок Чуньшу — это место, куда люди попадали, чтобы быть замученными до смерти.

Сюй Чжоцзюнь: «А еще Тан Мэнъян, преподайте ему урок. Он любит играть с мужчинами? Кастрируйте его для меня!»

Когда шпион собирался уйти, он вдруг вспомнил об одном очень важном деле: «Кстати, господин, есть еще одна вещь, о которой я должен доложить. Кто-то пошел в Министерство обрядов, чтобы расследовать дело об исчезновении студента три года назад».

Сюй Чжоцзюнь вскочил в ярости: «Что? Кто настолько дерзкий!»

Шпион ответил: «Это... генерал Чэнь».

«Генерал Чэнь? Какой генерал Чэнь? Из патрульной армии?! Что он расследует! Найди способ заставить его замолчать».

Шпион покачал головой: «Это генерал Чэнь, подчиненный маркиза Динбэя, который охраняет границу».

Сюй Чжоцзюнь: «...»

Сюй Чжоцзюнь: «...Ты сказал, кто?»

Шпион: «Маркиз Динбэй».

Пальцы Сюй Чжоцзюня сжались. Он был в шоке: «Какое это имеет отношение к маркизу Динбэю?! Зачем он расследует это? Какое отношение дело об экзаменах имеет к нему?!» Если бы это был просто генерал, семья Сюй могла бы разобраться с ним втайне, но Сяо Фу...

С ним действительно лучше не связываться.

Новости, пришедшие от его сестры, наложницы императора, гласили, что вскоре после того, как император вззошел на трон, он сделал что-то глупое, что разозлило Сяо Фу. Сяо Фу ударил его по лицу, и оно тут же распухло.

Сяо Фу спокойно сказал: «Для дяди ударить своего племянника — это нормально. Юйвэнь Дуо, если ты хочешь и дальше сидеть на своем троне, меньше испытывай мое терпение».

Сяо Фу.

С ним действительно лучше не связываться.

Он был сумасшедшим, который не признавал даже своих родственников.

У Сюй Чжоцзюня сильно разболелась голова: «Почему один за другим все ополчились против меня? Маркиз Динбэй хочет расследовать дело об экзаменах, Линь Цзыкуй хочет подать жалобу императору...»

—

Линь Цзыкуй сидел в карете особняка Тан. Выражение его лица казалось спокойным, но пальцы были крепко сжаты без всякой причины, и в его лице чувствовалось скрытое беспокойство.

Тан Мэнъян, сидевший рядом в карете, спросил: «Брат Хуайфу, что с твоими глазами, ты можешь их открыть?»

«Больно, я не могу их открыть». Внезапно он испугался, что, увидев его таким, господин Сяо будет недоволен.

Поэтому Линь Цзыкуй заставил себя открыть глаза.

В белках виднелись красные прожилки, а в уголках глаз — светло-розовые слёзы.

Один глаз, казалось, мог что-то видеть, а другой испытывал невыносимую боль при открытии. Он снова закрыл его и потёр тыльной стороной ладони.

Медленно потекли две струйки кровавых слёз.

Он ничего не говорил, просто сжимал руки. Казалось, он был очень хрупок, но в то же время невероятно силён.

Глядя на него, Тан Мэнъян подумал, что тот, возможно, всё понял.

Он открыл рот: «Дорогой брат...»

Линь Цзыкуй отвернулся. Свет из окна кареты был слишком ярким для одного глаза, и он снова закрыл его. Стараясь говорить спокойно, он спросил: «Брат Тан, долго ещё ехать?»

«Уже скоро, мы свернём за угол и будем на месте».

Линь Цзыкуй вышел из кареты. Узнав, что господин Сяо и Тан Мэнъян ушли на утреннюю аудиенцию, он зашёл в резиденцию Сяо. Линь Цзыкуй шёл, пошатываясь, и, боясь опозориться, попросил слугу: «Я вчера всю ночь читал и сейчас плохо вижу. Могу я опереться на тебя?»

«Конечно, господин, идите медленнее». Слуга протянул ему руку. «Госпожа сказала, чтобы вы подождали в зале, она сейчас придёт».

«Хорошо». Линь Цзыкуй прищурился и увидел на столе что-то похожее на чайник и чашки. Он потянулся к ним и только с нескольких попыток смог дотронуться.

Линь Цзыкуй молча пил чай. В зале никого не было. Может, и были, но он их не видел. Или, возможно, над ним смеялись. Он лишь сидел с прямой спиной и ждал. Ждал он около двух палочек благовоний, и эти две палочки казались слишком длинными, словно прошла уже половина его жизни.

Наконец, вошла высокая женщина. Линь Цзыкуй не мог её разглядеть, но по звуку шагов и силуэту он понял, что это госпожа Сяо.

Он встал и почтительно поклонился, как сыновья кланяются родителям: «Ваш скромный слуга Линь Цзыкуй приветствует вас, тётушка».

Этот глубокий поклон заставил госпожу Сяо, которая вошла в зал с решительным видом, остановиться.

«Дорогой племянник, вставай скорее», — госпожа Сяо помогла ему подняться и тут заметила, что его глаза неестественно красные, словно кровоточат. «Ой, племянник, что с твоими глазами!»

Линь Цзыкуй повторил свою историю: «Вчера ночью я читал до самого утра, мне стыдно, надеюсь, вы меня простите. Вот, это брачное соглашение».

Она взяла договор, убедилась, что это он, и, успокоившись, снова посмотрела на Линь Цыкуя: «Ничего, ничего... Эх, племянник, ты так много трудишься».

Разве он не говорил, что просто читал? Как такое может быть...

Госпожа Сяо была в нерешительности. Сначала она сделала несколько вежливых комплиментов, похвалив его красивую внешность, а затем резко сменила тему: «Жаль, что моя дочь не благословлена».

Если до этого Линь Цыкуй просто нервничал, то теперь он был ошеломлён. Он растерянно смотрел на госпожу Сяо. Её расплывчатое лицо казалось ему причудливым и странным.

Он неуверенно спросил: «Вы имеете в виду...»

«Я имею в виду... кхм,» — госпожа Сяо кашлянула, прикрывая рот платком. «Племянник, ты ещё молод и талантлив. Когда сдашь экзамены и станешь чиновником, ты сможешь жениться на девушке получше. Моя дочь с детства избалована и не привыкла к трудностям. Может быть... может быть, нашим семьям стоит расторгнуть помолвку?»

У Линь Цыкуя в голове будто что-то взорвалось.

На него обрушилась полная растерянность.

Даже боль в глазах не могла сравниться с этим леденящим душу холодом.

В этот момент его глаза затуманились от слёз, и он, дрожа, спросил: «Это решение родителей, или это решение второй госпожи?»

«Помолвка — это всегда решение родителей. Мы с твоим дядей Сяо это обсудили, и у нашей дочери... тоже нет возражений». Госпожа Сяо старалась быть как можно более тактичной. На самом деле, Линь Цыкуй ей нравился. Она была очарована его внешностью и талантом, и именно поэтому дала согласие на помолвку.

Но теперь Линь Цыкуй страдал от болезни глаз, а ещё ходили слухи о скрытом мужском дефекте. Это было всё равно что замужество с евнухом, и она не могла позволить дочери страдать.

К тому же, у него не было высокого чина, он был всего лишь цзюйжэнем. Даже если он сдаст экзамен, он, скорее всего, станет уездным чиновником где-нибудь в глуши.

А ещё её дочь уже взрослая, своевольная, и к тому же беременна. Если тянуть дальше, это будет невозможно скрыть. А новый зять, казалось, был вполне подходящим.

Всё, так тому и быть.

Госпожа Сяо сказала: «Если у тебя есть какие-то требования, наша семья Сяо постарается их выполнить. Я слышала, ты готовишься к экзаменам следующей весной. Для экзаменов нужны взятки, и твой дядя приготовил для тебя пятьсот лянов серебра».

Она хлопнула в ладоши, и служанка принесла поднос с блестящим серебром.

В эпоху, когда за кражу шестидесяти лянов серебра отправляли в тюрьму, пятьсот лянов были огромной суммой.

Но Линь Цзыкуй, которому отчаянно нужны были деньги, даже не взглянул на них.

Сдерживая себя, он встал на колени перед госпожой Сяо. Его голос дрожал, и он низко поклонился: «Тётушка, я хочу увидеть вторую госпожу, чтобы услышать это от неё самой. Пожалуйста, позвольте мне увидеть её!»

Госпожа Сяо не понимала, почему он так хочет увидеть её дочь, но, видя его состояние, она, не будучи бессердечной, велела служанке позвать её.

«Племянник, вставай, пожалуйста. Не нужно так кланяться. Я этого не заслуживаю. Это наша семья Сяо поступила с тобой несправедливо. Если бы у меня была ещё одна дочь, я бы обязательно выдала её за тебя».

В этот момент Линь Цзыкуй уже не чувствовал боли в глазах.

Сердце сжималось от боли, и он сказал: «Если вторая госпожа согласится выйти за меня, тётушка, вы позволите нам быть вместе?»

Как такое возможно!

Госпожа Сяо не сказала этого вслух, но ответила: «Послушай, что скажет моя дочь».

Вторая молодая госпожа Сяо ещё не вышла замуж, но уже немного поправилась из-за беременности. Она прикрыла своё округлое лицо веером, переступила порог и обратилась к матери: «Матушка».

«Иди сюда, Цяоцяо, это господин Линь».

Сяо Тин только что услышала от служанки, что господин Линь, узнав о расторжении помолвки, встал на колени перед её матерью, умоляя её увидеть его и услышать отказ из её уст.

Она была совершенно не согласна, но, торопясь расторгнуть помолвку, пришла без макияжа.

Внешность Линь Цзыкуя удивила её. Он был красив, как пейзаж на картине, и обладал мягкими чертами лица, что делало его по-настоящему красивым мужчиной.

Он был намного красивее её любимого Вэнь-лана.

Но его глаза были ужасно красными, и он смотрел на неё с глубокой печалью.

«Вторая госпожа... вы пришли?» — Линь Цзыкуй не услышал знакомого голоса.

«Господин Линь? Я Сяо Тин». Госпожа Сяо поняла, что этот молодой человек не просто близорук, он почти ослеп.

«Сяо... Тин», — пробормотал он это имя и покачал головой. «Нет, нет, вы не вторая госпожа. Я ищу Сяо Чжаолин!»

—